

Может, оттого, что вокруг было слишком тихо, или же из-за накопившейся усталости, но в тот краткий миг я провалился в сон. Очнувшись, я увидел, как в комнату входит Цин Хэн. Он держал в руках чашу, облачённый в свои неизменные белоснежные одежды. Тонкие губы были плотно сжаты, на лице не играло и тени улыбки, а полуприкрытые глаза смотрели куда-то сквозь меня, словно он был погружён в глубокие думы. Заметив, что я проснулся, он лишь на мгновение замер, но в его взгляде не мелькнуло радости, и уже через секунду к нему вернулось прежнее безразличие.

— Цин Хэн, — я улыбнулся и позвал его по имени. В ответ донеслось лишь сухое: М-м.

— Ван, выпейте это лекарство, и сможете возвращаться в свою резиденцию, — произнёс он, протягивая чашу.

Я оторопел. Глядя на тёмную, как дёготь, жидкость, я сглотнул подступивший к горлу ком и слегка отодвинул чашу в сторону:

— Цин Хэн, посмотри, я же совершенно здоров! Никакой болезни и в помине нет, так что это снадобье... ха-ха... может, ну его?

Известно ведь, что я, князь Сян, в обычной жизни ничего не боюсь, но только не горечи — особенно если это касается лекарств.

Цин Хэн немного подумал и поставил чашу на стол:

— Раз уж ван поправился, прошу на выход.

— А? — я опешил и, сам от себя не ожидая, начал мямлить: — А если я выпью это лекарство... я могу остаться?

— Раз уж ван поправился, то возвращайтесь в резиденцию. У меня здесь слишком тесно, для вана места не найдётся, — слова Цин Хэна звучали словно колючки.

Странно. Когда это я успел снова разозлить Цин Хэна? Ведь только что он вёл себя совсем иначе, когда я лежал, прильнув к его груди. Неужели то было сном, а это — суровая реальность?

Увы, контраст между сном и явью оказался слишком велик, мне было нелегко с этим смириться.

— Как же ты бессердечен... — я вздохнул от всей души, чувствуя глубокое разочарование.

Но Цин Хэн лишь насмешливо фыркнул:

— Ван слишком щедр на похвалу.

Цин Хэн, я вовсе не хвалю тебя.

Я поднялся, накинул на плечи верхнюю одежду, что лежала на изголовье, улыбнулся и, сложив руки в приветственном жесте, попрощался.

— Цин Хэн, если будет время, заглядывай ко мне. Ты ведь так любишь тишину и покой? У меня там куда спокойнее, чем в твоём жилище.

В конце концов, в огромной Резиденции князя Сян живём только я да Синжэнь, трудно было бы найти место тише.

— Ван, — Цин Хэн окликнул меня, вытащил из рукава приглашение и протянул мне. Чистый, ослепительно яркий красный цвет резал глаза. Хотя я знал, что этот день неизбежно настанет, я не смог сдержать лёгкой дрожи, и улыбка, тронувшая мои губы, вышла вымученной. — Послезавтра — редкий благоприятный день. Мы с Ляньэр женимся. Надеюсь, ван почтит нас своим присутствием.

Подавляя нахлынувшие мысли, я взял приглашение — оно было таким горячим, что хотелось выпустить его из рук, — и спрятал в рукав.

— Обязательно.

Сказав это, я с трудом покинул комнату. Цин Хэн остался стоять внутри; радость, до этого едва заметная на его лице, исчезла, а в глазах сменялись странные, переплетающиеся чувства.

— Ты не спросил, почему оказался здесь. Вспомнил? Или, быть может, с самого начала и не забывал... — Цин Хэн слегка изогнул губы в насмешливой улыбке. Даже прикрыв рот рукой, он не смог сдержать проступившую капельку крови. — Подумать только, даже мне, человеку, которому осталось жить совсем недолго, заклятие перестало помогать...

Теперь всё стало ясно. Что должно было вспомниться — вспомнилось, а что не должно было — тоже всплыло в памяти. Естественно, и моя непереносимость шума бесследно прошла. Я неспешно прогуливался по шумным и оживлённым улицам Цзинду, слушая гул голосов, но привычной резкой боли в голове от избытка шума не ощущал, и на душе стало куда легче. Возможно, я просто привык, а может, мне всё же не по душе эти многолюдные места. Стоит ли мне благодарить за это Волшебное зеркало Куньлунь, или как быть?

Вспоминая весь путь, я чувствовал досаду: столько усилий было потрачено впустую, превратившись в нелепость, достойную лишь насмешек.

Увы, Сыжань... как же мне теперь быть?

Добравшись до ворот резиденции, я едва успел переступить порог, как на меня кто-то набросился, сопровождая это знакомым криком Ван! и тихими всхлипами. Сдержав желание схватиться за голову, я отстранил обнимавшую меня Синжэнь. Глядя в эти блестящие глаза, полные слёз, я не нашёл слов.

— Я уже вернулся, чего ты плачешь? Тот, кто не знает, подумает, будто твой господин отдал концы, — попытался я подшутить над ней.

Синжэнь, услышав это, не только не рассмеялась, но и зарыдала ещё громче. Я всё же не удержался и коснулся лба рукой. Настроение и без того было паршивым, а от поднятого Синжэнь шума стало только хуже. Оставив её, я направился вглубь резиденции. Видимо, почувствовав моё дурное расположение духа, Синжэнь умолкла и молча последовала за мной.

Войдя во двор, я замер. Слуги, слонявшиеся по усадьбе, все были знакомыми лицами. Заметив в главном зале матушку, я всё понял.

Значит, дело отца завершено. Должно быть, чиновники Великого судебного приказа выяснили, что в резиденции все невиновны, и потому отпустили матушку и слуг домой. Только неизвестно, когда они вернулись.

Смешно. Интересно, кто же оказался настолько невезучим, чтобы стать козлом отпущения?

Я неспешно подошёл, почтительно поклонился матушке и справился о её здоровье. Она, сидя на почётном месте, лишь меланхолично помешала ложечкой чайники в чашке и сухо ответила: Угу, — даже не взглянув в мою сторону. Точно так же, как когда отец был ещё жив, — всё та же холодная гордыня.

Злиться на неё я не стал. С усмешкой отмахнувшись от тяжёлых мыслей, я выпрямился и ушёл к себе в комнату.

Снова ночь полнолуния. Бледный лунный свет ложился на землю, навевая печаль. Я принёс из кухни кувшин хорошего вина, но тут же вспомнил, что он не любит ни запах вина, ни его крепость. С досадой на самого себя я вернул вино на место, сменив его на чай, и с глупой улыбкой отправился на задний двор.

За прошедшие дни плодов на дереве почти не осталось. Должно быть, время вышло, и опавшие плоды давно убрали слуги. Расправив полы одежд, я сел прямо на камень и нежно коснулся земли, будто он был рядом со мной.

— Сыжань, я пришёл навестить тебя. Хотел принести хорошего вина, но, зная, что ты не выносишь спиртного, заменил его чаем. Чай вместо вина — так пойдёт? — я поднял руку и

налил чай в чашку, выплёскивая его на влажную землю. — Ты молчишь, значит, я принимаю это за согласие. Давай, выпей со мной, послушай моё нытьё.

— В последнее время я так устал. Вдруг показалось, что дни, когда в памяти было пусто, были такими лёгкими, без особых забот... хоть это и было время, когда я забыл о тебе...

Подул лёгкий ветерок, коснулся прядей волос на моих щеках и проник под тонкую ткань одежды, холода до костей.

Мне представилось, как Сыжань от моих слов надулся, и я улыбнулся, отпив чаю.

— Не злись, я шучу. Не принимай всерьёз.

Я вытащил из широкого рукава ярко-красное приглашение с золотыми письменами. Развернул его — два имени, стоящие рядом, резанули глаз. Я закрыл глаза, сложил приглашение и отложил в сторону.

— Сыжань, почему на сердце так тяжело? — я залпом осушил чашку, словно пил вино. Слишком поспешно, едва не проглотил чайники со дна. Хоть их я и не выпил, но поперхнулся и, закашлявшись, прикрыл рот рукой. Почему-то на душе стало совсем беспокойно.

— Такое моё состояние сейчас... воистину нелепо, — я вздохнул, прислонился к стволу дерева и, подняв голову, посмотрел на редкие звёзды в глубоком ночном небе. Опустив взгляд, снова налил чай. — Сыжань, как ты думаешь, а что, если я... полюбил его?

Если бы он услышал это, то непременно разозлился бы. Стоило представить его разгневанное лицо, как становилось забавно, хотя, если его немного поугаваривать, он бы быстро оттаял.

Увы, это приглашение...

Да и бог с ним. Не зная, что будет завтра, стоит ли самому искать себе неприятности? Таким людям, как я, лучше просто плыть по течению.

Отставив пустую чашку, я закрыл глаза. Сегодня полнолуние, может, мне удастся увидеть Сыжана во сне.

Проснувшись, я обнаружил, что лежу на кровати в своей комнате, а приглашение, которое я оставил на заднем дворе, аккуратно лежит на столе. Я прикрыл глаза — за окном вовсю светило солнце, день был в самом разгаре. Что мне снилось ночью, теперь смутно вспоминалось, да и чёткой картинки не было. Наверное, я всё забыл, не стоило вчера пить тот чай.

Я медленно поднялся, неспешно обулся, накинул верхнюю одежду. Судя по высоте солнца, Синжэнь наверняка уже дожидается снаружи.

— Синжэнь, который сейчас... час?

Не успел я договорить, как дверь со скрипом отворилась. Увидев мелькнувшую фиолетовую ткань, я на миг опешил, а когда опомнился и собрался опуститься на колени, пара рук пресекла моё движение.

На губах Фэн Иня играла привычная улыбка, он прищурил свои лисьи глаза и произнёс слова, в которых сквозило равнодушие, смешанное с лёгким раздражением:

— Дядюшка, вы по-прежнему так вежливы.

— Император льстит мне, — я выдавил из себя сухую улыбку и ответил, набравшись наглости.

Обычно Фэн Инь предпочитал жёлтое или белое, удивительно, что сегодня он сменил наряд на светло-голубой; на мой взгляд, выглядел он гораздо лучше, чем обычно.

Только вот Фэн Инь явно от нечего делать пожаловал — время-то раннее, явился ко мне, не дав даже привести себя в порядок. У меня волосы до сих пор распущены, одежда не заправлена, хотя до неприличия ещё далеко, но всё же — как не подобает!

Увы, разве не говорили, что в делах двора сейчас кризис? Неужели всё уже улажено?

Я снова присмотрелся к прищуренным лисьим глазам Фэн Иня, в которых метались мысли, а улыбка на губах казалась такой неестественной.

Боюсь, дела при дворе идут туго.

Фэн Инь тихо хмыкнул и замолчал. Видимо, заметив приглашение на столе, он заинтересовался им, и в глазах мелькнул огонёк любопытства.

— Это?.. — Фэн Инь приподнял бровь, сделал шаг вперёд, взял приглашение в руки и спросил:
— Что это такое?

— Как император может видеть, это приглашение от государственного наставника. Я воспользовался моментом и поманил Синжэня, стоявшего за дверью. Тот сразу всё понял и принёс в комнату таз с горячей водой.

— Неужели это приглашение на свадьбу государственного наставника? И почему же ты не

пригласил меня? — Я пролистал открытку, и улыбка, не сходившая с моих губ, померкла. В голосе прозвучали нотки обиды.

Вся эта ситуация напомнила мне слова отца из моего детства: в глазах старших младшие всё равно остаются несмышленными детьми. Хотя я был ненамного старше Фэн Иня, но разница в поколениях имела место, и в моих глазах он ничуть не изменился — всё те же детские повадки, от которых он так и не смог избавиться до конца.

— Император, не гневайтесь. Наверняка кто-то из слуг в резиденции государственного наставника допустил оплошность. Как бы то ни было, сегодня приглашение должны доставить во дворец. Возможно, когда вы вернетесь, оно уже будет ждать вас там. — А может, и сам государственный наставник привезет его лично, ведь приглашен-то император.

Я улыбнулся и принялся за умывание. В любом случае, перед Фэн Инем я уже давно утратил всякие приличия, так что портить репутацию дальше было не страшно.

Фэн Инь, заметно успокоившись, отложил приглашение, сел на табурет неподалеку и, отпив чаю для смягчения горла, усмехнулся:

— Пусть будет так, как говорит Цзы Цин.

Закончив умываться, я сел перед бронзовым зеркалом и позвал Синжэня привести меня в порядок, попутно раздумывая, не стали ли мои волосы, уже достигающие пояса, слишком длинными — надо бы как-нибудь попросить Синжэня их подровнять.

Пока я размышлял, Синжэнь бесшумно удалился. Я было удивился, но тут сзади послышался тихий стук чашки о стол, а затем — негромкие, мерные шаги.

Что на этот раз взбрело в голову этому Фэн Иню?

Белоснежные, как нефрит, пальцы подхватили гребень, который только что отложил Синжэнь, и неторопливо коснулись моих волос.

От этого жеста у меня по спине пробежал холодок, а плечи напряглись. Я замер, не в силах сразу прийти в себя.

Это... это же... Человек, занимающий трон девяти и пяти, — как он может делать подобное? Если разнесется слух, что нынешний император расчесывает волосы такому одиозному сановнику, как я, — о, это будет скандал! Неизвестно, что наплетут простолюдины, обожающие судачить о делах дворца. Мне-то всё равно, моя репутация давно погублена, но Фэн Инь... Фэн Иню это совсем не к лицу.

Я собрался было повернуться, но Фэн Инь, будто угадав мой замысел, нажал на плечи, не давая

мне шелохнуться.

— Император... такие вещи должны делать слуги, ну или я сам. А если вы повредите свои драгоценные руки? — проговорил я, чувствуя, как дрожит голос.

— Цзы Цин, ты преувеличиваешь. Пустяковое дело, ничего со мной не случится. К тому же... — Фэн Инь положил подбородок мне на плечо. От его дыхания ухо защекотало, и по телу побежали мурашки. Глядя на наши отражения в зеркале, он улыбался так искренне и счастливо: — Вокруг ни души, тебе не о чем беспокоиться.

Его слова, казалось, прочли мои мысли насквозь, отчего мне стало крайне неловко. Откуда он знает, что никого нет? В резиденции полно народу, к тому же матушка обожает расставлять здесь своих соглядатаев. Кто знает, может, сейчас кто-то вовсю подслушивает! Но вслух высказывать такие дерзкие предположения я не стал.

Я расслабился и попытался выдавить из себя улыбку, принимая его условия. Сидя прямо перед зеркалом, я позволил Фэн Иню — который, скорее всего, отродясь никого не причесывал — возиться с моими волосами. Глядя в зеркало на его необычайно серьезный профиль, я закрыл глаза. Как говорится, не видишь — не расстраиваешься.

Прошло около получаса, прежде чем Фэн Инь остался доволен результатом. К этому времени солнце уже стояло в зените, и даже если бы я воткнул в землю шест, от него вряд ли осталась бы тень.

Я взял веер и принялся яростно обмахиваться, а случайно взглянув на свое отражение, лишился дара речи.

Длинные волосы были небрежно распущены, а не собраны высоко, как обычно. Прядь волос была скреплена нефритовым украшением, свисая на затылке. На лбу красовалась парчовая лента с золотыми нитями, поддерживающая волосы по бокам и удерживающая пряди, которые обычно падали на глаза, а две длинные локона романтично ниспадали на грудь. Кто не знает — подумает, что я иноземец, а не житель Государства Цзин.

— Цзы Цин... — Фэн Инь замолчал, словно не решаясь договорить. Я обернулся к нему, он улыбнулся, в его глазах цвета феникса что-то мелькнуло, чего я не успел уловить. Он открыл губы и произнес два слова: — Ты прекрасен.

Э-э... я ничего не слышал. Совсем ничего.

Я помахал веером и перевел тему:

— Император, удалось ли решить дела при дворе?

Лишь сказав это, я вспомнил, что сам же когда-то предложил не обсуждать государственные дела, если мы не во дворце. Как же я мог забыть? Истинная правда: тревога на сердце мешает делу.

Выражение лица Фэн Иня почти не изменилось. Он неспешно подошел к столу, налил чаю, сделал пару глотков и нахмурился:

— Не стану скрывать, Цзы Цин, дела крайне тяжелы. Хотя внутренние распри удалось кое-как подавить, на границах другие государства начали вторжение. Все военачальники заняты обороной своих земель и не могут оказать поддержку. Если полагаться только на генерала Сюя, боюсь, та часть границы падет уже совсем скоро.

— Это... — ситуация действительно была критической. Государство Цзин всегда находилось в центре других стран, и если направить ближайших генералов с войсками на подмогу, то никто не даст гарантии, что другие враги не воспользуются моментом и не нападут. Это грозило гибелью всей стране. Не годится, совсем не годится.

— Если император не возражает, я прошу дозволения возглавить войска и отправиться на границу, — я почтительно опустился на колени с искренней просьбой.

Фэн Инь, собиравшийся крышкой чайника отвести чайные листья, замер. Блеск в его глазах померк, и он с глухим стуком опустил чашку на стол.

— Об этом поговорим позже. Раз уж мы в резиденции князя, не будем о делах. — Он сменил тон: — Мне вдруг стало так тоскливо. Князь Сян, выпей со мной.

— Хорошо, — с готовностью отозвался я. Раз император сказал, что обсудим потом, значит, потом.

Как раз вовремя — я как раз проголодался. Обернувшись, я велел Синжэню принести вино и закуски. Синжэнь тихонько ответил, но, подняв голову, замер с открытым ртом, точно увидел нечто невероятное. Я свирепо на него посмотрел, и он поспешно ретировался.

Мы с Фэн Инем сидели в комнате, болтали о том о сем. Вскоре Синжэнь со слугами расставили на столе еду и вино, после чего почтительно удалились.

Увидев вино, Фэн Инь, не говоря ни слова, сорвал печать с кувшина, наполнил наши чаши до краев, поднял свою и осушил одним махом.

Не знаю, что на него нашло, но я лишь слегка пригубил и принялся за еду — мой желудок требовал своего с самого утра.

Прошло немало времени. Я наелся, а пустых кувшинов на столе прибавилось. Но чаша,

которую наполнил для меня Фэн Инь, оставалась почти нетронутой.

Я восхищался его выносливостью: после нескольких кувшинов отменного Персикового Пьянства у него лишь заалели щеки, а в глазах появилась какая-то туманная рассеянность. На первый взгляд в нем прибавилось редкой детской непосредственности — он выглядел куда милее обычного.

Его руки всё продолжали наполнять чаши. Пожалуй, решив, что маленькая чаша — это слишком мало, он взял большую пиалу, наполнил её и снова осушил одним залпом. Пил он торопливо, вино проливалось, пачкая воротник, или стекало по уголкам губ, тоже оставляя следы на одежде.

В глазах цвета феникса исчезло привычное величие и мягкость, осталась лишь пустота, смешанная с тоской. Если бы кто-то увидел Фэн Иня в таком виде, не знаю, что бы они обо мне заговорили.

Я перехватил его руку с поднесенным ко рту сосудом и под его недовольным взглядом сам осушил содержимое.

— Император, хватит пить, вы уже пьяны, — сказал я.

Он прижал ладонь ко лбу и улыбнулся той же мягкой, привычной улыбкой:

— Цзы Цин, я... не пьян. — Он снова наполнил пиалу и выпил.

Речь уже заплетается, а он твердит, что не пьян. Кто бы поверил?

Ладно, пусть будет так. Раз у Фэн Иня на душе тяжело, пусть делает что хочет. Опьянел — значит, теперь он обуза.

Я потягивал чай, он заливал в себя вино. После двух-трех кувшинов Фэн Инь наконец окончательно захмелел. С покрасневшим лицом, нахмурившись, он не мигая смотрел на меня.

— Князь... — пробормотал он.

— Да, — ответил я, попивая чай и глядя в его затуманенный взор.

Такое опьянение разительно отличалось от его обычного поведения. Впрочем, я видел Фэн Иня пьяным лишь во второй раз. Первый был... ох, слишком много времени утекло, уже и не вспомнить.

— Цзы Цин... — Фэн Инь тихо рассмеялся, и в его голосе слышалась какая-то недосказанность.

— Да.

Надо же, он смог шатаясь подняться, подойти ко мне и положить руки на мои плечи.

— Я... я... симпатизирую... — прежде чем я успел что-то понять, Фэн Инь накрыл мои губы своими. Я моргнул и застыл.

Что... что он делает? Мы всё-таки родственники, как... как он может так поступать! Если кто-то увидит, что останется от достоинства Фэн Иня? А куда мне спрятать свое старое лицо?

Не раздумывая, я оттолкнул его. Он, пошатываясь, повалился на кровать, потер глаза, приложил руку ко лбу и с сомнением пробормотал:

— Цинлин?

Видимо, он был слишком пьян: едва закончив фразу, он тут же провалился в сон.

Эх... почему у меня такое чувство разочарования? Я потер лоб — не иначе как ошибся.

Вздохнув, я снял с Фэн Иня обувь, уложил его поудобнее, накрыл тонким одеялом и позвал Синжэня убрать посуду и остатки вина.

<http://bllate.org/book/21938/2279247>